

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬСКОГО УЕЗДА (АПРЕЛЬ-АВГУСТ 1922 Г.)

Слесарев
Александр Валерьевич

Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2004; Минская духовная академия (кандидат богословия) — 2007.

1. Общие сведения о кампании по изъятию церковных ценностей

Первой крупномасштабной антицерковной акцией, реализованной Российской Коммунистической партией (большевики) — РКП(б) — после прихода к власти и победы в гражданской войне, явилась кампания по изъятию церковных ценностей, проведенная в 1922 г. В отличие от антирелигиозных мероприятий первых послереволюционных лет, насильственная конфискация церковного имущества не только носила организованный и всеохватывающий характер, но и провоцировала крупномасштабные репрессии в отношении наиболее активных священнослужителей и мирян. Желая предупредить возникновение крупных общественных нестроений, партийное руководство мотивировало начало кампании необходимостью сбора средств с целью преодоления последствий катастрофического голода, охватившего Поволжье в 1921 г. Подлинные цели запланированной акции были озвучены в секретном письме В.И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. Весьма показательно, что при планировании кампании не предполагалось использование всех вырученных средств на преодоление голода: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей (...), чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (...). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немислимы»¹. Таким образом, фактический руководитель советского государства прямо указывал на необходимость перенаправления определенной части материальных средств, по-

лученных от ограбления Православной Церкви, на нужды, не имеющие отношения к спасению голодающих. Особенное значение придавалось финансированию внешнеполитических проектов, разработанных с целью достижения международного признания РСФСР на Генуэзской конференции. Другой целью кампании по изъятию церковных ценностей виделась легитимация начала организованной репрессивной политики в отношении Российской Православной Церкви: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем (...) разбить неприятеля наголову и обеспечить необходимые для нас позиции на много десятилетий (...), ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс (...). Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью»². Наиболее ощутимыми последствиями кампании по изъятию церковных ценностей явились арест патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина), разрушение канонических основ церковного управления, возникновение обновленческого раскола, массовые аресты и осуждения противников советской религиозной политики, конфискация значительного числа произведений церковного искусства и подрыв материальной базы Русской Православной Церкви.

Не оставаясь в стороне от постигшей страну гуманитарной катастрофы, патриарх Тихон активно развивал церковную инициативу по сбору средств для спасения голодающих Поволжья. Однако сформированный им в августе 1921 г. Церковный комитет помощи голодающим по решению советского руководства вынужденно прекратил свое существование, передав

собранные средства правительственному Комитету. К 1 февраля 1922 г. советское руководство согласилось утвердить «Положение об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим», частично возвращавшее церковным институтам инициативу сбора пожертвований на преодоление продовольственного кризиса³. В своем Воззвании от 6 февраля 1922 г. патриарх Тихон обратился к всероссийской пастве с призывом откликнуться на страдания голодающих. При этом Первосвятытель допускал возможность передачи на нужды страждущих «находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом)»⁴. Вполне очевидно, что беспрепятственное развитие церковных мероприятий по сбору средств в помощь голодающим могло иметь своим естественным следствием укрепление популярности и авторитета Российской Православной Церкви, что не входило в планы советского руководства. Уже 16 февраля 1922 г. на заседании Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) было принято постановление «Об изъятии ценностей для реализации на помощь голодающим», отнимавшее у Церкви инициативу добровольной передачи ценностей и предписывавшее региональным органам советской власти проведение принудительной конфискации храмового и монастырского имущества. Санционируя начало кампании по изъятию церковных ценностей в масштабах всей страны, названное постановление учитывало пожелание патриарха Тихона относительно недопустимости передачи предметов сакрального значения: «Предложить местным советам немедленно изъять из церковных имуществ (...) все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»⁵.

2. Подготовка изъятия церковных ценностей на Гомельшине

История кампании по изъятию церковных ценностей получила достаточно широкое и обстоятельное освещение в церковно-исторической науке, однако до сих пор остаются неизученными события 1922 г. в некоторых отдельно взятых регионах. Одну из таких белых страниц истории представляют обстоятельства проведения кампании в пределах Гомельского уезда, объединявшего двадцать волостей⁶ и входившего в состав одноименной губернии РСФСР. Ныне территориальные пределы бывшего Гомельского уезда включены в границы Гомельского, Ветковского и Добрушского районов Гомельской области. В церковно-каноническом отношении территория Гомельского уезда по состоянию на 1922 г. входила в пределы Гомельского викариатства Могилевской епархии, возглавлявшегося епископом Гомельским Варлаамом (Ряшенцевым)⁷, подотчетным в своей деятельности архиепископу Могилевскому и Мстиславскому Константину (Булычеву)⁸.

Несмотря на заявление о неотложной необходимости мобилизации всех материальных ресурсов для спасения голодающих, сделанное в постановлении ВЦИК от 16 февраля 1922 г., Гомельский губернский исполнительный комитет (губисполком) на протяжении последующих полутора месяцев не предпринял никаких действий для подготовки мероприятий по изъятию церковных ценностей. В рассматриваемый период времени подобная ситуация была характерна для большинства регионов страны. Однако на фоне пассивного отношения к делу конфискации церковного имущества на местах официальная линия советского руководства приобретала в этом вопросе все более радикальные черты. Так, 28 февраля 1922 г. Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИКе и Народным комиссариатом юстиции (НКЮ) была опубликована «Инструкция

о порядке изъятия церковных ценностей», оговаривавшая допустимость изъятия дорогостоящих предметов церковного обихода, имеющих литургическое употребление. Вместе с тем данное предписание оставляло за группами верующих право занесения протестов в протоколы изъятия, а также предусматривало возможность замены конфискованных литургических предметов другими менее дорогостоящими предметами сакрального значения⁹.

Реагируя на низкие темпы реализации постановления «Об изъятии ценностей...», фактический руководитель кампании Л.Д. Троцкий провел 10 марта 1922 г. заседание Комиссии по учету и сосредоточению ценностей. Признав существующую постановку дела несостоятельной, Комиссия разработала детальный план проведения кампании на местах, что должно было способствовать активизации процесса изъятия. Последней датой начала осуществления мероприятий по конфискации ценностей было определено 31 марта 1922 г.¹⁰

Начало проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Гомельской губернии относится к 1 апреля 1922 г., о чем было заявлено в специальном циркуляре председателя Гомельского губисполкома И.И. Нейбаха¹¹ ко всем уездным комитетам (укомам) РКП(б) и всем уездным исполнительным комитетам (исполкомам). Следуя общему курсу советского правительства, И.И. Нейбах объявил начинающуюся антицерковную акцию вынужденной мерой, необходимой для спасения голодающих: «Размеры постигшего Республику бедствия — голода в Поволжье — не поддаются никакому описанию. Буквально вымирает целая область. Бедствие гораздо шире и глубже, чем можно предполагать. В деле спасения голодающего Поволжья нам приходится рассчитывать только на свои силы, так как оказываемая помощь из-за границы далеко недостаточна. Считаясь с закоренелыми предрассудками и не

желая без крайней необходимости доставлять злоумышленным элементам почву для контрреволюционной агитации, советская власть не желала до последнего момента производить изъятие церковных ценностей. Теперь, когда выяснилось действительное положение в смысле наличия материальных ресурсов для спасения Поволжья, оказавшегося недостаточным, осозналась необходимость проведения крайней меры — изъятия церковных ценностей»¹².

Во исполнение «Инструкции о порядке изъятия церковных ценностей» от 28 февраля 1922 г. председатель Гомельского губбисполкома издал распоряжение о формировании губернской и уездных комиссий по изъятию церковных ценностей. Примечательным условием формирования этих комиссий было так называемое «предупреждение работы контрреволюции на национальной почве». Данная формулировка подразумевала недопущение к работе по изъятию лиц еврейской национальности, что мотивировалось стремлением избежать развития антисемитских настроений, способных перерасти в массовое народное сопротивление деятельности комиссий по изъятию. Исполнение распоряжения председателя Гомельского губбисполкома предполагало, что в состав комиссий «при необходимости, вместо Председателя или Заведующего, входит заместитель, а если таковые не подходят для работы, назначить персонально авторитетных, надежных и выдержанных товарищей»¹³. Исходя из отмеченных соображений, И.И. Нейбах своим распоряжением от 5 апреля 1922 г. перепоручил свое председательство в Гомельской губернской комиссии (губкомиссии) по изъятию церковных ценностей члену ВЦИК Иванову. Кроме того, в состав губкомиссии были включены представитель Губернского финансового отдела Ильинский, председатель Исполнительного комитета Гомельского губернского Совета и член губернского комитета помощи голодающим И.Ф. Федяев¹⁴. По прошествии двух

недель, 30 апреля 1922 г. новым председателем Гомельской губкомиссии по изъятию церковных ценностей Гомельской губернии был назначен упомянутый И.Ф. Федяев¹⁵.

Согласно распоряжению И.И. Нейбаха от 1 апреля 1922 г., в состав уездных комиссий по изъятию церковных ценностей должны были войти председатели уездных исполнительных комитетов (уисполкомов), председатели уездных комитетов помощи голодающим (укомголов) и заведующие уездных финансовых отделов (уфинотделов). Ориентировочной датой начала работы комиссий, возглавленных председателями местных уисполкомов, было объявлено 8 апреля 1922 г. Однако новоучрежденным уездным комиссиям по изъятию церковных ценностей запрещалось приступать к практической работе вплоть до получения особого распоряжения и дополнительных инструкций из губернского комитета РКП(б)¹⁶. Таким образом, осуществление мероприятий по подготовке изъятия церковных ценностей на Гомельщине происходило со значительным отставанием от крайнего срока начала их проведения, установленного Комиссией по учету и сосредоточению ценностей под председательством Л.Д. Троцкого.

Одним из первых постановлений Гомельской губкомиссии по изъятию ценностей было распоряжение о создании, помимо уездных комиссий, особых подкомиссий в каждой волости. Волостные подкомиссии должны были включать в свой состав председателя уисполкома в качестве председателя, а также председателя местного Волостного исполнительного комитета и представителя Уездного финотдела в качестве членов подкомиссии¹⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перед формируемыми уездными комиссиями по изъятию церковных ценностей председатель Гомельского губбисполкома И.И. Нейбах ставил задачу

конфискации максимально большего числа дорогостоящих предметов, не имеющих литургического употребления: «В первую очередь должны быть безусловно изъяты подвески, кольца, браслеты, церковная утварь, *не применяемая для богослужения* (курсив наш — авт.), золотой и серебряный лом и все, имеющееся в нескольких экземплярах. Точно определить, что подлежит изъятию и что должно быть оставлено — невозможно. Поэтому местным комиссиям по изъятию надлежит проводить свою работу в зависимости от имеющейся на месте обстановки, помня, что чем более будет изъято ценностей, тем шире будут обсеменены поволожские поля и тем больше будет спасено человеческих жизней»¹⁸. Совершенно очевидно, что при организации мероприятий по конфискации церковного имущества председатель Гомельского губисполкома руководствовался более ранними постановлениями советского руководства, учитывавшими пожелание патриарха Тихона относительно недопустимости изъятия предметов, имеющих литургическое употребление. Более того, И.И. Нейбах в своем циркуляре практически дословно воспроизводит перечень допустимых к изъятию предметов, озвученный в Воззвании Предстоятеля Российской Православной Церкви от 6 февраля 1922 г. Анализ официальных документов Гомельского губисполкома периода кампании по изъятию церковных ценностей позволяет предположить, что наиболее вероятной причиной создания относительно мягких условий ее осуществления на Гомельщине являлась личная позиция И.И. Нейбаха в данном вопросе.

Следуя общей линии организации кампании по конфискации церковного имущества, намеченной 10 марта 1922 г. Комиссией по учету и сосредоточению ценностей под председательством Л.Д. Троцкого, председатель Гомельского губисполкома отметил также и необходимость проведения «агитационного двухнедельника по изъятию ценностей». В ходе этого мероприя-

тия, начавшегося 1 апреля 1922 г., все уездные и губернские периодические издания обязывались уделять особое внимание пропаганде жизненной важности предстоящих изъятий церковного имущества. Кроме того, уездным комитетам предписывалось следование особому плану пропагандистской работы и наблюдение за состоянием общественного мнения. Во все центры церковно-приходской жизни надлежало направить для наблюдения «наиболее ответственных, тактических и выдержанных товарищей, способных сделать правильные выводы»¹⁹. Кроме того, ориентируясь на указания Комиссии по учету и сосредоточению ценностей, Гомельская губкомиссия настоятельно рекомендовала проводить мероприятия по конфискации «в высшей степени выдержанно и тактично, ни в коем случае не оскорбляя религиозные чувства верующих»²⁰. Вместе с тем, секретарь Гомельской губкомиссии в особом циркуляре призывал все уездные комиссии к особой бдительности по причине «возможности контрреволюционных выступлений»²¹.

Руководствуясь инструкцией ЦК Помгола ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей от 28 февраля 1922 г., Гомельская губкомиссия установила определенную последовательность мероприятий по конфискации, «начиная с наиболее богатых церквей, синагог, костелов, молитвенных домов»²². Во избежание сокрытия ценностей в ходе изъятия, работа местных комиссий предполагала дополнительную проверку по инвентарным описям церковного имущества, составленным в 1917 г. Все конфискованные предметы должны были регистрироваться в специальных описях, а затем передаваться в уездные финотделы. Конфискованные ценности поступали в Центральный Комитет комиссии помощи голодающим и только им могли быть реализованы. Все уездные комиссии обязывались еженедельно предоставлять в Гомельскую губкомиссию доклады о ходе проведения работ. В случае оставления

богослужебных предметов в пользовании религиозных общин, они должны были ставиться на особый учет и передаваться лишь только после заключения с верующими специального договора. При несогласии верующих с изъятием того или иного предмета религиозного употребления за ними сохранялась возможность опротестовать решение уездной комиссии или волостной подкомиссии. Окончательное решение относительно жалоб верующих возлагалось на Гомельскую губкомиссию²³.

По завершении предполагавшейся организационной и информационной подготовки Гомельская губкомиссия получила секретный циркуляр Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК от 18 апреля 1922 г., на основании которого была разработана Инструкция по изъятию церковных ценностей в пределах Гомельской губернии РСФСР (полный текст приводится в приложении). Согласно этому документу, при каждой уездной комиссии предполагалось создание дополнительной негласной комиссии в составе секретаря укома, военкома одной из действующих строевых частей, председателя официальной уездной комиссии по изъятию и уполномоченного ГПУ. В состав неофициальной комиссии при Гомельском уезде вошли соответственно Казариновский, Шендеров, Гусев, Селькин и Михайленко. Особое внимание в Инструкции уделялось состоянию общественного мнения, контроль за которым возлагался на всех членов уездных комитетов. В этой связи Гомельская уездная комиссия по изъятию определила направить на готовившийся уездный съезд православного духовенства двух «секретных товарищей», способных оценить состояние настроений в церковной среде. Во избежание возможных осложнений, связанных с обвинением органов советской власти в ограблении Православной Церкви, было решено включить в состав уездных комиссий по одному священнослужителю, лояльно настроенному к процессу конфискации

церковного имущества. (К сожалению, список имен этих священнослужителей в архивных материалах Гомельской губкомиссии по изъятию церковных ценностей не сохранился). Силтовую поддержку кампании по изъятию ценностей должны были обеспечить Гомельский губернский отдел ГПУ, местные отделы милиции, части особого назначения (ЧОН) и организованные группы коммунистов. Начало проведения мероприятий по конфискации церковного имущества было определено на 24 апреля 1922 г. Окончание изъятия планировалось на 1 мая 1922 г. в городах и 10 мая 1922 г. в деревнях Гомельской губернии. Первыми объектами изъятия в пределах Гомельского уезда были определены Гомельский Свято-Петропавловский кафедральный собор, храм местечка Ветка, Чонский Свято-Успенский женский монастырь²⁴ и Свято-Макариевский женский монастырь²⁵. При конфискации церковных ценностей из Свято-Макариевского монастыря силтовую поддержку должен был обеспечить местный артдивизион, а при изъятии ценностей из Чонского Свято-Успенского монастыря отряд милиции общей численностью не менее пятнадцати человек²⁶.

3. Конфискация церковного имущества в храмах Гомельского уезда

Первое изъятие ценностей из городских храмов было осуществлено 26 апреля 1922 г., когда произошла конфискации дорогостоящего имущества из Свято-Петропавловского кафедрального собора. На протяжении последующих трех дней изъятие проходило во всех остальных городских храмах Гомеля. Вопреки первоначальной установке председателя Гомельского губисполкома И.И. Нейбаха, губернская и уездные комиссии проводили изъятие не только драгоценных церковных украшений, но и евхаристических сосудов, имеющих сакральное значение для верующих. Несмотря на то, что в каждом храме было оставлено всего лишь по одному ком-

плекту литургических предметов, местное население практически не оказало какого-либо стихийного или организованного сопротивления изъятию. Единственное исключение составили прихожане Свято-Успенского и Свято-Николаевского храмов г. Гомеля, пытавшиеся сорвать конфискацию церковного имущества. Весьма примечательно, что с протестом против изъятия ценностей из названных храмов выступили не столько мужчины, сколько женщины и дети. Не желая обострения ситуации, представители власти предприняли ряд мер по успокоению верующих, в результате чего конфискация ценного имущества названных храмов была завершена без столкновений верующих с представителями комиссии по изъятию. Надеясь решить вопрос возвращения изъятых литургических сосудов легально, прихожане большинства городских храмов предлагали компенсировать их стоимость деньгами и ценными металлами. Однако все их усилия оказались безрезультатными, поскольку официальный председатель Гомельской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей И.Ф. Федяев пожелал пресечь эти ходатайства скорейшим направлением конфискованных предметов в Москву²⁷.

Случаи сопротивления мероприятиям по изъятию церковных ценностей наблюдались в деревнях Борщевка Телешовской волости, Новоселки Ветковской волости, Шерстин и Бартоломеевка Речковской волости, Красная Буда Красно-Будской волости, Вылево и Закружье Вылевской волости, Присно, Шепотовичи, Михалевка и Поповка Дудической волости, а также в местечке Добруш Гомельского уезда. В большинстве случаев решения об отказе передавать церковное имущество принимались на общих приходских собраниях, что впоследствии приводило к усиленному сопротивлению верующих работе комиссий по изъятию. Однако в большинстве случаев это сопротивление не перерастало в открытые столкновения с членами уездных комиссий²⁸.

Далее представляется целесообразным описать все имевшие место немногочисленные эпизоды силового противостояния верующих мероприятиям по изъятию ценностей, наблюдавшиеся в деревенских храмах Гомельского уезда. Согласно материалам архивного фонда Гомельской губкомиссии по изъятию церковных ценностей, настоятель храма Рождества Божией Матери в деревне Шерстин Речковской волости Гомельского уезда священник Феодор Андреевич Рафанович не только оказал деятельное сопротивление Речковской волостной подкомиссии по изъятию, но и призвал крестьян к противодействию конфискации храмового имущества. Председатель Ветковской волостной подкомиссии М.А. Барановский, также присутствовавший во время изъятия ценностей в деревне Шерстин, объяснял срыв мероприятий по конфискации в названном населенном пункте массовым сопротивлением местных жителей. Докладывая о сложившейся ситуации руководству Гомельской губкомиссии, он называл священника Феодора Рафановича главным инициатором народного сопротивления: «Когда я предложил попу открыть церковь, он заявил, что ключи у народа, а сам все время молился»²⁹. Приступить к конфискации храмового имущества члены подкомиссии смогли приступить лишь после того, как красноармейцам удалось оттеснить верующих от церкви. Однако и после этого местные жители стремились воспрепятствовать изъятию, хватая красноармейцев за шашки и пытаясь прорвать военный кордон. Итогом работы подкомиссии стало изъятие из Свято-Рождество-Богородичного храма деревни Шерсти церковной утвари общим весом 20 фунтов (8,19 кг.) серебра. В связи с произошедшим обострением со священника Феодора Рафановича, церковного старосты Александра Буркина и председателя церковного совета Павла Матеуша были взяты подписки о невыезде, что предвещало их дальнейшее осуждение. По прошествии непродолжительного времени, 13 мая 1922 г., Речковская волостная под-

комиссия обнаружила в деревне Шерстин сокрытые от изъятия серебряную дарохранительницу и серебряный крест, датированный 1885 годом изготовления. В связи с произошедшим, Речковская подкомиссия по изъятию церковных ценностей во главе с С.Г. Лисовцом, ходатайствовала перед Гомельской губкомиссией о привлечении священника Феодора Рафановича к судебной ответственности³⁰.

Прихожане храма Святого Архистратига Михаила деревни Борщевка Телешовской волости Гомельского уезда, несмотря на лояльную позицию своего настоятеля, при появлении подкомиссии по изъятию были собраны набатным колокольным звоном. Вооружившись орудиями сельскохозяйственного и домашнего обихода, они оказали настолько активное сопротивление, что члены подкомиссии были вынуждены покинуть деревню. При повторном приезде в Борщевку Телешовская подкомиссия по изъятию церковных ценностей заручилась поддержкой отряда красноармейцев, вооруженных пулеметом. Повторно призванные к храму набатом, крестьяне предприняли попытку отстоять церковное имущество, но вынуждены были отступить под угрозой расстрела. Лишь только после этого члены подкомиссии смогли приступить к конфискации храмовой утвари. Как выяснилось в ходе дальнейшего расследования, организаторами противостояния в деревне Борщевка явились члены местного церковного совета³¹.

При попытке проведения конфискации дорогостоящей церковной утвари из Свято-Петропавловского храма деревни Новоселки Ветковской волости Гомельского уезда волостная подкомиссия по изъятию церковных ценностей столкнулась с активным сопротивлением местного населения. Распорядившись о временном недопущении верующих в храм, члены подкомиссии распорядились о его закрытии и круглосуточной охране. Однако по прошествии

непродолжительного охранявшие церковь сторожа в ночное время суток были убиты, а целый ряд церковных вещей бесследно исчез. Не рассматривая версию ограбления, волостная подкомиссия поспешила возложить ответственность за совершенное преступление на верующих³².

На заседании Гомельской уездной комиссии, проходившей 24 мая 1922 г., было принято решение предложить органам ГПУ привлечь к ответственности за сокрытие церковных ценностей и саботаж настоятеля Свято-Рождество-Богородичного храма деревни Шерстин священника Феодора Рафановича и церковный совет деревни Борщевка. Кроме того, органам ГПУ предлагалось «расследовать дело в Новоселках по поводу убийства церковных сторожей, павших жертвой поповской попытки скрыть церковные ценности»³³.

Еще один примечательный эпизод сопротивления изъятию церковных ценностей связан с деятельностью настоятеля Свято-Николаевского храма деревни Закружье Вылевской волости Гомельского уезда священника Иоанна Васильевича Гоголева. Принципиально не возражая против сбора средств в помощь голодающим Поволжья, он высказывал недоверие государственным комиссиям по изъятию ценностей. Получив распоряжение епархиальной власти о необходимости сдачи дорогостоящих предметов, священник Иоанн заявил о своей готовности передать ценности церковным комитетам: «Прошлые сборы пошли неизвестно куда, а так как эти пойдут через архиерея, значит пойдут по назначению»³⁴. Когда же выяснилось, что представители Церкви отстранены от сбора пожертвований, священнослужитель снова отказался от передачи дорогостоящей церковной утвари. Во время прибытия в деревню Закружье волостной подкомиссии по изъятию, дочь священника Анна Гоголева, работавшая учительницей начальной школы, была в набат и призывала верующих со-

браться к храму для оказания сопротивления конфискации храмового имущества. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что священник Иоанн Гоголев крайне негативно относился к советской власти, во время немецкой оккупации Гомельщины (март 1918 — январь 1919) оказывал содействие в борьбе с коммунистами, а в 1921 г. арестовывался органами ЧК за антибольшевистскую агитацию. На собрании прихожан деревни Закружье, проходившем 14 марта 1922 г. в присутствии 280 человек, было принято решение о ходатайстве перед Гомельским губисполком и архиепископом Могилевским Константином (Булычевым) относительно отстранения священника Иоанна Гоголева от приходского служения в Закружье³⁵.

Принципиальным противником передачи церковного имущества являлся настоятель Свято-Николаевского храма деревни Столбун Гомельского уезда священник Иоанн Иоаннович Керножицкий. Указывая на необходимость проведения сбора добровольных пожертвований, он резко осуждал тех священнослужителей, которые сочувствуют изъятию ценностей, называя их «устраивающими сделку с совестью»³⁶.

Благочинный 5-го округа церквей Гомельского уезда священник Иоанн Иоаннович Стратанович, являвшийся настоятелем Свято-Николаевского храма деревни Присно Ветковской волости, также крайне критически отзывался о мероприятиях по конфискации храмовой утвари и именовал большевиков грабителями. Согласно имеющимся сведениям, священник Иоанн избежал наказания в 1922 г. и был репрессирован во время кампании по коллективизации сельского хозяйства (в 1929 или 1930 гг.)³⁷.

Помимо сопротивления, православные священнослужители Гомельского уезда нередко относились с сочувствием к передаче дорогостоящих предметов церковного оби-

хода в фонд помощи голодающим. В этой связи необходимо отметить имена настоятеля храма Святого Архистратига Михаила в деревне Речки священника Феодора Маслюкова, настоятеля Свято-Николаевского храма деревни Яново Столбунской волости священника Василия Долматовича Саульского, настоятеля храма Святого Архистратига Михаила в деревне Борщевка Телешовской волости священника Константина Караскевича, настоятеля Свято-Николаевского храма деревни Железники Столбунской волости священника Романа Сидоракина и настоятеля храма в деревне Поповка Добрушской волости священника Александра Ксендзова³⁸.

Добровольно согласившись передать неосвященные и не используемые при богослужении предметы церковной утвари в пользу голодающих Поволжья, священник Василий Долматович Саульский произнес евангельские слова: «Больше нет той любви, как положить жизнь за други своя»³⁹. Подобное отношение к вопросу передачи церковных ценностей высказал во время заседания приходского собрания и священник Александр Ксендзов, но не был поддержан верующими. В ответ на призыв добровольно передать дорогостоящие предметы, местные жители ответили своему настоятелю: «Садай свое, а нашего не трогай»⁴⁰.

Основная часть православного духовенства и верующих Гомельского уезда отнеслась к кампании по изъятию церковных ценностей сдержанно, не заявляя резкого протеста, но и не высказывая поддержки производившимся конфискациям. Во многом это объяснялось их нежеланием подвергнуться репрессиям по обвинению в контрреволюционной деятельности и сопротивлении мероприятиям советской власти. Весьма показательная характеристика настроений в церковной среде содержится в докладной записке уполномоченного Комитета помощи голодающим по Телешовской волости Гомельского уезда Р.Е. Мельникова: «От-

ношение граждан к этому вопросу (имеется в виду вопрос изъятия церковных ценностей — авт.) более чем пассивное. Слышится ропот и недовольство от большинства верующих и церковных советов. Постановлений и резолюций на этот счет не выносилось. Духовенство своего мнения по этому вопросу не высказывает и старается избегать всяких разговоров на эту тему. Заметно, что духовенство настроено против изъятия»⁴¹.

4. Итоги мероприятий по изъятию церковных ценностей в Гомельском уезде

Основные мероприятия по изъятию церковных ценностей на Гомельщине завершились к 24 мая 1922 г. Как отмечалось в информационном докладе Гомельской губкомиссии, «в общем кампания прошла удовлетворительно по своим реальным результатам и благоприятна в политическом отношении. В большинстве случаев массы верующих относились пассивно (не соглашаясь в принципе) — проведению в жизнь декрета не противились. То же самое можно сказать и относительно духовенства. В некоторых пунктах изъятие было произведено при полном содействии духовенства и крестьян»⁴². Цитированный документ красноречиво свидетельствует об отсутствии у руководства Гомельской губернии установки на использование протестных настроений среди верующих в качестве повода для начала организованных репрессий в отношении Православной Церкви. С точки зрения Гомельской губкомиссии, преобладавшая среди верующих пассивность являлась признаком политически благоприятного исхода кампании по изъятию церковных ценностей. Прямым следствием такого подхода явилось предельно лояльное отношение местных органов советской власти к противникам изъятия, чего нельзя сказать о других регионах страны. В этом отношении является весьма показательной судьба настоятеля Свято-Рождество-Богородичного храма деревни Шерстин

Речковской волости священника Феодора Рафановича, проявившего наибольшую активность в противодействии работе комиссии по изъятию ценностей. По окончании процесса конфискации церковного имущества Гомельская губкомиссия передала соответствующие материалы в Гомельский губернский отдел ГПУ, однако священник Феодор не только избежал ареста, но и продолжил свое приходское служение на прежнем месте. Лишь только в 1923 г. он был арестован и выслан за пределы Гомельской губернии, что явилось итогом конфликта названного священнослужителя с организаторами обновленческого раскола на Гомельщине⁴³.

Другим примечательным обстоятельством периода кампании по изъятию церковных ценностей на Гомельщине является констатированное в официальной документации массовое отсутствие в храмах инвентарных описей имущества⁴⁴. Отмеченное явление в значительной степени осложнило работу комиссий и подкомиссий по изъятию, позволив верующим скрыть определенную часть предметов церковного обихода. Никаких дополнительных проверок относительно исчезновения инвентарных описей Гомельской губкомиссией инициировано не было.

Помимо значительного ослабления материальных ресурсов православных храмов, кампания по изъятию церковных ценностей привнесла в церковную жизнь Гомельского викариатства внутреннее разделение. После произведенного в мае 1922 г. ареста патриарха Московского и всея России Тихона, обвиненного в сопротивлении изъятию церковных ценностей, высшую церковную власть узурпировала группа белого духовенства, породив тем самым обновленческий раскол. На собрании священнослужителей и мирян Гомельского епархиального округа, проходившем в июле 1922 г., большинством голосов было принято решение о поддержке обновленче-

ского движения и присоединении к группе «Живая Церковь»⁴⁵. Данное решение разделило верующих Гомельской губернии по церковно-каноническому признаку, внеся дестабилизацию и внутренние раздоры в церковную ограду.

Распоряжением председателя Гомельского губисполкома И.И. Нейбаха от 1 августа 1922 г., принятом на основании постановления Гомельского губкома по изъятию церковных ценностей от 25 июля 1922 г. и президиума Гомельского губисполкома от 29 июля 1922 г., работа по изъятию церковных ценностей была объявлена завершенной. Конечным итогом конфискации дорогостоящих предметов из храмов Гомельского уезда стала пересылка в Гохран Наркомата финансов 11 пудов, 36 фунтов, 80 золотников серебра (около 195.2 кг.), серебряных и медных монет на сумму 718 рублей 5 копеек, денежных знаков Российской Империи на сумму 6119 рублей и денежных знаков Временного Правительства на сумму 8 260 рублей, бриллиантов больших — 1; камней изумрудных крупных — 16; камней изумрудных различных размеров — 13; алмазов крупных — 3; рубинов крупных — 8; жемчужин крупных — 53; жемчужин средних — 31; алмандинов — 22; иконных риз с камнями — 3 фунта, 13 золотников, 24 доли (около 1 кг. 417 гр.)⁴⁶.

Подлинные причины лояльной организации мероприятий по изъятию церковных ценностей в пределах Гомельской губернии, не приведшей к массовым репрессиям в отношении православного духовенства и мирян, до сих пор остаются неизвестны. Анализируя ход выполнения программы по изъятию церковных ценностей на Гомельщине, Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей ЦК РКП(б) еще 10 мая 1922 г. констатировало отсутствие у местных органов власти достаточной подготовки и решительности⁴⁷. Не исключено, что значительная задержка с осуществлением кампании и мягкость

ее проведения явились следствием личной позиции отдельных представителей руководства Гомельской губернии к советской религиозной политике.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инструкция по изъятию церковных ценностей в пределах Гомельской губернии РСФСР

«СЕКРЕТНО

1. Помимо официальной комиссии создать секретную при каждом уезде из
 - 1) Секретарь Укома
 - 2) Военком одной из действующих строевых частей, не ниже полка
 - 3) Председатель официальной Комиссии по изъятию
 - 4) Уполномоченный Госполитуправления.
2. Подобрать лучших агитаторов и в особенности привлекать военных. Во время недели агитации необходимо обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группах духовенства, верующих и проч.
3. В случае обнаружения в качестве организаторов выпадов к возмущению и подстрекательству буржуазных и купеческих элементов, бывших чиновников и проч. Уполномоченных ГПУ проводить по постановлениям Комиссии их аресты. Не предпринимать самостоятельных арестов. Видных попов не трогать, по возможности, до конца кампании, но негласно и неофициально (под расписку уполномоченных ГПУ) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первые.
4. Изъятие сперва произвести из синагог, потом из городских церквей. Храмы сперва где лояльный священник, потом самые богатые. Коммунисты должны будут блокировать все соседние улицы, не допуская скопления народа. Воинская часть (лучше ЧОН) должны быть наготове по первому требованию выступить.

5. В деревнях и селах проводить изъятие с тщательной осторожностью.

6. Начало изъятия в городах Губкомиссия определяет с 24 апреля. Окончание к 1 мая, в селах и деревнях к 10 мая. Если условия благоприятные — начать ранее.

7. Помимо донесений в Губкомиссию и Губфинотдел — подробно освещать в печати о количестве изъятого золота и серебра в весовых цифрах, а драгоценных камней в штуках.

8. В случае предложения со стороны групп верующих выкупа другими предметами домашнего обихода и хлебными заками за подлежащие изъятию ценности Уездкомиссиям самостоятельно подобные замены не допускать, передавая рассмотрение каждого ходатайства в Губкомиссию, при чем возбуждение ходатайства не приостанавливает изъятия.

9. Допускается замена ценных предметов малоценными из других церквей.

10. Священники первые отвечают за грабежи из церквей. Установить секретное наблюдение за богатыми церквями для предотвращения грабежей.

11. С началом изъятия Комиссия ежедневно к 17 часам по телеграфу докладывает о количестве изъятого и о том, как изъятие проходит»⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. — М.-Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997. — С. 141.

² Там же. — С. 141-142.

³ Положение об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим. 1 февраля 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. — М.-Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1998. — С. 8-10.

⁴ Воззвание патриарха Тихона о помощи голодающим. 6 февраля 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. ... С. 11.

⁵ Постановление Президиума ВЦИК «об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим». Из протокола заседания Президиума ВЦИК № 13, п.1. от 16 февраля 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. ... С. 15.

⁶ К весне 1922 г. в состав Гомельского уезда Гомельской губернии входили следующие волости: Ветковская, Вылевская, Гомельская, Добрушская, Дудическая, Дятловская, Кормянская, Красно-Будская, Марковическая, Носовическая, Поколюбическая, Покотская, Полесская, Поповская, Речковская, Руденецкая Старо-Юрковичская, Столбунская, Телешовская и Чеботовическая (Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 129).

⁷ Епископ Варлаам (Ряшенцев) возглавлял Гомельское викариатство в 1913-1923 гг. К исходу кампании по изъятию церковных ценностей на Гомельщине уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. с покаянием вернулся в Патриаршую Церковь и был назначен епископом Псковским и Порховским. С 1924 г. временно возглавлял Гомельское викариатство. В 1927 г. возведен в сан архиепископа. Подвергался неоднократным арестам и тюремным заключениям, состоял в оппозиции Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Скончался в 1942 г. в тюремной больнице г. Вологды.

⁸ Архиепископ Константин (Булычев) возглавлял Могилевскую епархию в 1911-1925 гг. В 1925 г. был одним из инициаторов «григорианского» раскола, пребывая в котором получил назначение на Тамбовскую кафедру. Скончался без воссоединения с канонической Церковью.

⁹ Инструкция ЦК Помгола ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей от 28 февраля 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. ... С. 22.

¹⁰ Протокол № 7 заседания Комиссии по учету и сосредоточению ценностей. 10 марта 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. ... С. 39-43.

¹¹ Нейбах Иван Иванович (1884-1938) занимал должность председателя Гомельского губисполкома до декабря 1923 г. С 1931 г. являлся начальником планово-финансового отдела Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР и заместителем народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР. В 1938 г. обвинен в причастности к деятельности контрреволюционной террористической организации и расстрелян.

¹² ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

¹³ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 2, 4 об.

¹⁴ Федяев Иван Федорович (1896-1937) в 1918-1919 гг. являлся комиссаром по национализации банков в Москве. В 1922-1925 гг. занимал должность председателя Исполнительного комитета Гомельского губернского Совета. В 1925-1934 гг. являлся начальником Управления Народного комиссариата финансов СССР. В 1937 г. арестован и приговорен к расстрелу.

¹⁵ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 4; Телеграмма председателя Комиссии по изъятию церковных Ценностей Гомельской губернии БССР Федяева заместителю осо-

боуполномоченного СНК по учету и сосредоточению ценностей Г.Д. Базилевичу о ходе изъятия. 30 апреля 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. — М.-Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1998. — С. 219.

¹⁶ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 2-3.

¹⁷ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

¹⁸ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

¹⁹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 3, 4 об.

²⁰ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 4 об.

²¹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

²² ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

²³ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 4-4 об.

²⁴ Чонский (Чонковский) Свято-Успенский монастырь был основан старообрядцами в 1775 г. и первоначально являлся мужской обителью. В 1795 г. (по другим данным в 1798) монастырь на правах единоверия присоединился к Православной Российской Церкви. В 1830 г. по причине сокращения насельников, принадлежащих к единоверию, Свято-Успенский монастырь перешел на новый обряд с присвоением статуса третьеклассного монастыря. В 1899 г. монастырь преобразован в женский. В дореволюционное время в обители имела богатая библиотека, состоящая из древних книг и рукописей, переданных из многих упраздненных старообрядческих монастырей и скитов Гомельщины. Насильственное закрытие Чонского Свято-Успенского монастыря произошло в 1928 г.

²⁵ Свято-Макариевский монастырь был основан старообрядцами и первоначально являлся мужским. В 1844 г. обитель присоединилась к Православной Россий-

ской Церкви на началах единоверия, а затем была обращена в женский монастырь. В 1876 г. Свято-Макариевский монастырь был приписан к Чонскому Свято-Успенскому монастырю, после чего перешел на новый обряд. Насильственное закрытие Свято-Макариевского монастыря произошло в 1928 г.

²⁶ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 10-10 об., 25.

²⁷ Телеграмма председателя Комиссии по изъятию церковных ценностей Гомельской губернии БССР Федяева... С. 219.

²⁸ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 17, 30, 55-55 об., 71-78, 80-85, 95-100, 110, 115 об., 119 а., 120, 125.

²⁹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 85.

³⁰ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 30, 49, 80-85, 125.

³¹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 17, 55-55 об., 125.

³² ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.

³³ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.

³⁴ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 71-71 об.

³⁵ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 71-78.

³⁶ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 117 об.

³⁷ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 95; ГАГО. Ф. 1379. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

³⁸ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 109-110, 114, 117-117 об., 119 об.-119 а.

³⁹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 117 об.

⁴⁰ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 110, 114.

⁴¹ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 108 об.

⁴² ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 125.

⁴³ Архив Минского епархиального управления. Ф. 1. Оп. 2. Д. 803. Л. 118-119.

⁴⁴ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 125.

⁴⁵ Шиленок Димитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922—1939). («Обновленческий» раскол в Белоруссии). — М.: Изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2006. — С. 85-86.

⁴⁶ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 17, 125 об., 133.

⁴⁷ Сводка Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей в ЦК РКП(б) о ходе работ по изъятию. 10 мая 1922 г. / Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. ... С. 177.

⁴⁸ ГАГО. Ф. 882. Оп. 1. Д. 68. Л. 10-10 об.